

Л.Д. Троцкий

**Перед историческим
рубежом. Политическая
хроника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л11

Л11 **Л.Д. Троцкий**
Перед историческим рубежом. Политическая хроника / Л.Д. Троцкий – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 446 с.

ISBN 978-5-458-04263-5

Статьи, вошедшие в настоящий том, охватывают весьма продолжительный и богатый событиями период времени с 1900 по 1914 г. Уже одно это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на тон и характер статей. Кроме этого, различие в тоне и характере статей определяется еще и тем, что некоторые из них писались для провинциальной легальной печати в дореволюционную эпоху, другие для революционных заграничных изданий, третьи для бесцензурных изданий в России.

ISBN 978-5-458-04263-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Д. Троцкий, 2021

Лев Давидович Троцкий
Сочинения

Том 4. Перед историческим
рубежом. Политическая
хроника

От автора

Все необходимое о составе настоящего тома сказано в предисловии от редакции. Редактору этого тома, тов. И. М. Павлову, выражаю сердечную благодарность за проделанную им большую работу. Благодарность эта целиком распространяется и на его сотрудников.

*Л. Троцкий.
9 ноября 1925 г.*

От редакции

Статьи, вошедшие в настоящий том, охватывают весьма продолжительный и богатый событиями период времени с 1900 по 1914 г. Уже одно это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на тон и характер статей. Кроме этого, различие в тоне и характере статей определяется еще и тем, что некоторые из них писались для провинциальной легальной печати в до-революционную эпоху, другие — для революционных заграничных изданий, третьи — для бесцензурных изданий в России.

Материалы, объединенные под названием "Статьи из "Восточного Обозрения", относятся к 1900–1901 г.г. Серия статей этого раздела, озаглавленная "Обыкновенное деревенское", не была закончена печатанием, так как некоторые статьи были запрещены иркутской цензурой.

Ряд статей, помещенных в томе, был напечатан в свое время в иностранных социал-демократических изданиях и дан здесь в переводе с иностранного языка. ("Дума и революция", "Третья Дума. Дума и бюджет", "Революционная романтика и Азеф", "Под знаком дела Бейлиса", «Терроризм» — перевод с немецкого; "Третья Дума", "Царская рать за работой", "Дума и закон 9 ноября", "Крестьянство и социал-демократия" и "Крах террора и его партии" — перевод с польского).

По содержанию статьи представляют собою отклики автора на выдающиеся политические события в России за этот период; исключение составляет революция 1905 года, статьи о которой вошли в особый том. Этим объясняется чрезвычайное разнообразие статей. Наряду со статьями и заметками чисто агитационного характера, сюда входят статьи, анализирующие соотношение сил революции и контрреволюции (статьи: "Политические письма" в разделе "Вокруг первой Думы"; "На пути во вторую Думу", "Дума и революция", "Третья Дума", "К чему пришли", "Право государственного переворота", "Есть ли у нас конституция?", "Развязка надвигается", "Ничто им не поможет", "Ленская бойня и ответ пролетариата" и "Думский нокаут"), и статьи, выясняющие взаимоотношение экономической конъюнктуры и политического развития страны (статьи: "Перед катастрофой", "Третья Дума. Дума и бюджет", "На борьбу с безработицей и голodom", "С Думой или без Думы?", "Дума и закон 9 ноября", "В ожидании промышленного подъема", "Навстречу подъему" и "Положение в стране и наши задачи").

Часть помещенной в этом томе статьи "На пути во вторую Думу" вошла в уже вышедшую 1-ю часть II тома сочинений Л. Д. Троцкого под названием "Перспективы дальнейшего развития революции".

Что касается размещения материалов, то Редакция стремилась сгруппировать их в порядке хронологическом, но этот принцип не повсюду соблюден строго. В тех случаях, когда это вызывалось единством содержания данной группы статей, Редакция отступила от хронологического принципа (см. раздел "Вырождение терроризма", "Против национального гнeta" и т. п.).

Примечания, помещенные в конце тома, ставят себе целью дать читателю фактические сведения о событиях, лицах, политических группировках и т. п., упоминаемых в томе. Некоторые из примечаний снабжены документами или выдержками из документов, восстанавливающими в памяти читателя давно забытые эпизоды политической борьбы.

В заключение Редакция считает своим долгом выразить благодарность т. т. В. Зурабову, М. Любимову и И. Румеру за большую работу, проделанную ими над этим томом.

Редакция.

I. Перед 1905 годом

1. Статьи из "Восточного Обозрения"

Мало заметный, но весьма важный винтик в государственной машине

Сельское общество, это — юридически не расчленимый элемент русского государственного строя, своего рода социальная клеточка, хотя название это может в данном случае иметь лишь чисто формальное значение. Никто не отрицает, что в настоящее время деревенская община далеко не представляет собою однородного по строению, самодовлеющего по отправлениям организма. Внутри ее формально-юридической оболочки происходит и происходит процесс дифференцирования, усложнение функций и отношений внутри общины-клетки и рядом с ним — процесс все большего взаимодействия этой клетки со всем общественным организмом. Это взаимодействие, еще более усложняя, в свою очередь, жизнь внутри общины, фактически стирало и стирает общинные границы, обнаруживая тенденцию автоматически группировать общественные элементы и в городе и в деревне совершенно новым путем, по новым признакам.

"...Самого поверхностного взгляда на современную деревню, — говорит проникновенный художник русской деревни и страстный защитник ее интересов, — достаточно для того, чтобы не подводить "под одно" всех деревенских жителей и все деревенские мнения и желания. Основывать однородность деревенских интересов на общинном землевладении так же несправедливо, как если бы на основании общинного владения петербургским водопроводом... я основал одинаковость целей, желаний, стремлений, хотя бы только до известной степени, между всеми тысячами людей, населяющих тысячи квартир с одинаково проведеною водою..." (Г. И. Успенский, "Равнение под одно").

Несмотря на чрезвычайное усложнение деревенской жизни, административный строй ее не потерпел почти никаких изменений; волостное правление продолжает оставаться министерством волости. Новые запросы, потребности, задачи деревенской жизни получают ответы, удовлетворения, разрешения при помощи старого волостного административного механизма, который все меньше способен отвечать своему назначению.

В Европейской России с усложнением задач деревенского бытия множество чрезвычайно важных сторон его перешло в ведение земства, органа более компетентного, более сильного, чем «волость», и несомненно, что дальнейшее здоровое развитие нашей общественной жизни поведет к выделению из сферы волостного ведения всех общегосударственных или общебластиных (губернских, уездных) вопросов и переходу их в ведение правительственныеых и земских органов при дальнейшем расширении компетенции последних.

Но и в Европейской России, где — отчасти рядом, отчасти над сельским и волостным правлением — существует земство, сфера ведения волостного правления слишком разностороння, широка, даже всеобъемлюща, чтобы деятельность этого органа могла отвечать всем своим задачам.

Что же в таком случае сказать о Сибири, где земства нет, зато имеются целые отрасли, и притом чрезвычайно существенные, сельской жизни, совершенно или почти совершенно не затрагивающие «российской» волости? Взять хотя бы ссыльно-поселенцев и административно-ссыльных, школьное и дорожное дело...

Чтобы дать читателю представление о размерах писчебумажной деятельности волостного правления, мы предложим его вниманию суховатую, но поучительную опись «книгам» и «делам» (конечно, не всем), ведение которых лежит на обязанности волостного писаря и его помощников (1–4).

Посемейные списки (статистика волостн. населения); подворные списки (статистика подворного хозяйства — инвентаря, работников, даже нахлебников...); раскладочная книга податей и повинностей (сложнейшая финансовая статистика и рядом с ней — финансовая политика!); для записи переходящих сумм ("волость" играет роль казначейства, выдающего жалованье участковому врачу, фельдшерам, акушерке, субсидии административно-ссыльным...); мирских сумм (отчетность волостного "министерства финансов"); сделок и договоров (волостноеправление фигурирует в данном случае в качестве нотариальной конторы по сделкам крестьян между собою или крестьян с лицами других сословий); решений волостного суда: а) по делам гражданским, б) по маловажным проступкам; судимости крестьян; прихода и расхода паспортов; разгона обывательских лошадей; состояние продовольственных запасов, подохранного имущества (без призора оставшегося после умерших без наследников, пропавших без вести, ушедших на войну...); сюда же причисляются хранящиеся в «волости» вещественные доказательства; пригульного скота; торговых свидетельств (имеется, правда, не во всех волостях); для записи призыва молодых людей на действительную службу; ополченцев I и II разряда; местных запасных нижних чинов (на случай призыва, перечисления в ополчение и пр.); зап. ник. чинов, отлучившихся из пределов волости; зап. ник. чинов, прибывших из других волостей.

Все эти "книги для записи" имеются как в сибирской, так и в каждой «российской» волости. Специально для сибирской волости надлежит еще прибавить книги, ведающие арестантов и поселенцев; для записи ссыльно-поселенцев, причисленных к волости (их в некоторых волостях числится больше, чем крестьян); ссыльно-поселенок (ничтожное сравнительно число); окладная книга (поселенцы обложены в пользу "поселенческого капитала"); крестьян, сосланных по общ. приговорам; пересыльных арестантов; прихода-расхода кормового довольствия арестантов, содержащихся и пересыльных.

Вот главные «книги». Боюсь, впрочем, что сколько-нибудь опытный волостной писарь найдет в моем перечне немало существенных пробелов. Но довольно, думаю, и перечисленного. «Книгами», однако, не исчерпывается волостная деятельность: кроме «книг» имеются еще «дела», им же несть числа.

Тут вы найдете дела об исправлении дорог, открытии школ, о состоянии урожая или о видах на таковой, дела опекунские и пр., и пр., и пр. Если бы все перечислять, то, говоря словами евангелиста, и всему миру не вместить бы написанных книг. Недаром один знакомый мне волостной писарь, когда разговор касался его обязанностей, лаконически определял их следующей формулой: "одним словом, альфа и омега", и, если в числе собеседников был человек свежий, то писарь вынимал из футляра от очков измятый листок, сорванный со стенного

календаря, на оборотной стороне которого, между перечнем юбилейных исторических событий и обеденным меню, находилось заглавие, позаимствованное нами для украшения настоящей заметки: "Мало заметный, но весьма важный винтик в государственной машине", а под заглавием значилось: "Какое ведомство не имеет отношения к волостному писарю? Не говоря о министерстве внутренних дел, чины почти всех ведомств обращаются в волостноеправление: военное — по разным призывным спискам, финансовое — в лице податных инспекторов, судебное — в лице следователей и приставов, народного просвещения — в лице инспекторов, духовное — в лице благочинных, ведомство земледелия — по статистике. Кроме морского и иностранных дел, все обращаются в волостноеправление с требованиями и предписаниями — и всем должен дать ответ писарь".

— "И то еще неверно, — прибавлял писарь, упрятывая драгоценный документ на дно футляра. — И с министерством иностранных дел имеем сношения. Раз наш матрос запил в Англии и опоздал к отходу парохода. Консул потом отправил его на родину, и мы с консулом имели по этому поводу переписку... А запасные флотские? Ведь мы и им ведем алфавит, значит, и к морскому министерству имеем отношение. Одним словом, альфа и омега!.."

Итак, волостной писарь соединяет в своем лице: финансиста, статистика, агронома, инженера-путешца, архитектора, нотариуса, судебного следователя...

Понятно, значит, если все заботы писаря уходят в казовую сторону дела. Он в точных цифрах определяет размеры урожая "на основании испытаний", которых на самом деле не производил. Он составляет проекты исправления путей, постройки и ремонта мостов, сидя в здании волостногоправления, и потом на основании собственного проекта докладывает о произведенных работах, тогда как на самом деле никто никаких дорог не исправлял, мостов не строил и не ремонтировал. И многие другие отрасли своей деятельности по необходимости упрощает волостной писарь подобным же образом.

А доставляемые им наполовину фиктивные цифры идут по начальству, подвергаются обработке, ложатся в основу многих официальных и земских статистических обозрений и исследований, которые составляют в свою очередь предмет ожесточенной полемики отечественных публицистов.

Подчеркиваем, однако, что казовая, т.-е. чисто канцелярская, работа волости совершается в большинстве случаев безукоризненно... "Точность в исполнении своих писчебумажных обязанностей, — говорит цитированный выше писатель, — в настоящее время составляет самую видную черту деревенской жизни". Дав затем описание той сложной, но, так сказать, организованной суматохи, которая была вызвана в волости «экстренно-важной» бумагой "по мобилизации" (летом 1877 г.), Г. И. Успенский¹ говорит:

"И все это буквально "без разговоров" о причине, без расспросов о том, куда и зачем погонят. Плачут конечно, женщины, матери, невесты; сапожник Петр тоже жалеет, что приходится бросить мастерство и за что ни попало продать инструмент; но ни у кого ни на единую минуту не мелькнет вопрос: зачем и куда? — раз приказание пришло из волости. Но на все эти вопросы, зачем гонят и куда гонят, не ответит никто — ни сельский староста, ни волостной старшина, ни писарь. Да и никто из них не спросит, или, вернее, отвык спрашивать и разбирать то, что приходит сюда, в деревню, в виде приказывающей, но никогда не объясняющей бумаги".

Четверть века прошло с тех пор. Многое ли изменилось в этой стороне жизни?..

"Восточное Обозрение" N 230, 15 октября 1900 г.

Кое-что о земстве

Мы, сибирские читатели и писатели, вследствие вполне естественной причины — отсутствия у нас земских учреждений, смотрим обыкновенно на земские дела глазами сторонних наблюдателей, хотя и имеющих на сей счет свое мнение, но мнение совершенно платоническое. Полагаем, однако, что скоро-скоро нам волей-неволей придется отвыкать от такого отношения к делу: введение в Сибири земских учреждений есть лишь вопрос времени и, думается, времени недолгого; оно так же неизбежно, как и свершившееся, например, введение гласного суда: оно вызывается усложнением, детализацией общественных нужд, потребностей и запросов, требующих новых, более отвечающих современным отношениям форм местного управления.

Усложнившаяся жизнь требует новых органов, которыми — в силу этой самой ее сложности — могут быть органы не центрального, а местного характера и притом, в известных, эмпирически-определяемых пределах, сами себе довлеющие... Вот почему земское самоуправление является не измышлением публицистов непохвального образа мыслей, а "категорическим императивом" жизни; вот почему на лукавые запросы и допросы известного сорта публицистов нужно отвечать приблизительно таким образом: мы затрудняемся определить, милостивые государи, есть ли земство орган благонамеренный или неблагонамеренный; но зато мы не сомневаемся, что на известной стадии развития, нами уже достигнутой, оно является органом необходимым и займет подобающее ему место в обороте всероссийской жизни.

И этой нашей уверенности нисколько не нарушает то обстоятельство, что земская деятельность вот уже немалое количество лет хронически пребывает "на ущербе", так что интерес общества и печати к земским делам и учреждениям не только у нас, в Сибири, но даже и в «России» возбуждается обыкновенно какими-нибудь чрезвычайными случаями. Достигнув в такой момент высшей амплитуды колебания, интерес к земству начинает затем идти на убыль, пока не укладывается в мирные рамки, с одной стороны, пописывания, с другой — почитывания сереньких, как осенний день, корреспонденций по поводу расширения школьной сети одним земством, учреждения больницы — другим.

Если не ошибаемся, один только раз после введения земских учреждений крупный интерес к земству был вызван не упрощением деятельности, но явлением совершенно противоположного характера. Мы говорим о том факте, когда в конце 1880 г. земские собрания были приглашены министерством внутренних дел высказаться по поводу "возникших по разным губерниям вопросов и предложений об изменении некоторых постановлений "Положения 27 июня 1874 года"..." Многие земские собрания, несмотря на спешность работы и ограниченность рамок, в пределах которых спрашивалось их суждение, высказали в ответ на министерский запрос много верных и достаточно широких мыслей по поводу земских учреждений, — мыслей, которые теперь, на самом рубеже XX столетия, на первый взгляд, гораздо дальше от претворения в живую действительность, чем тогда, в конце 1880 года. Взять хотя бы основную черту земства —

его «бессословный» характер... бессословность которого является более чем проблематической: крестьянское и даже вообще недворянское представительство в земских собраниях так незначительно и во многих местностях осложнено такими условиями и обстоятельствами, что представители крестьян весьма нередко присутствуют на земских собраниях скорее в качестве немых символов всесословного земского принципа, чем в качестве "излюбленных людей", уполномоченных вязать и решать местные дела. Вот маленькая иллюстрация сказанного. В Ярославской губ., например, один гласный от дворян приходится на 3.000 десятин земли и на 7.000 руб. ценности другого имущества с земским сбором в 700 руб.; один гласный от избирателей — недворян представляет уже 11.000 дес., 457.000 р. стоимости других имуществ и годовую плату в 8.000 руб.; на гласного от крестьян приходится 25.000 десятин, другого имущества на 25.000 руб. и платежей на 6.000 руб. В Новгородской губ. гласный от дворян представляет (по земской оценке) доходность в 3.000 руб., гласный от недворян — в 19.000 руб., гласный от крестьян — в 43.000 руб.³ Числа говорят за себя, несмотря на непригодность в данном случае имущественного критерия, противопоставляющего дворянскому сословному началу — буржуазное начало имущественного ценза. Числа, выраждающие отношение количества представителей к количеству представляемых для каждой группы, были бы гораздо красноречивее, но, к сожалению, у нас нет таких чисел под руками.

Вот почему необходимо признать, что позиция, занятая некоторой (и притом не худшей) частью русской периодической печати по отношению к вопросу о фиксации земского обложения, ставшему законом текущего года, страдает значительной односторонностью, вполне объясняющейся, правда, острым характером положения.

Нельзя, конечно, не согласиться, что обвинение земств в бесцеремонной расточительности, даже в мотовстве, исходящее из-под беззастенчивых перьев расторопных молодцов со Страстного бульвара⁴, что в Москве, является облыжным и представляет собою не результат добросовестного обследования земских финансов с цифрами и фактами в руках, но естественный плод органической ненависти к принципу общественного самоуправления, лежащему в основе земских учреждений. "Надо самому принимать, — говорит старый земец, — активное участие в земских собраниях для того, чтобы понять, как настойчивые требования жизни сокрушают самые решительные стремления к экономии и вынуждают самых скучных гласных производить увеличение сметных назначений. В течение своей четырнадцатилетней практической деятельности в земстве, каждый год являясь в собрание, мы слышали, прежде всего, речи о необходимости самой строгой экономии, а в конце собрания являлось почти всегда некоторое увеличение сметы расходов. Так трудно бороться с требованиями действительной жизни и логикой необходимости. В самом деле, весьма трудно не отступать от строгой экономии, когда видишь собственными глазами, что население умирает от недостатка медицинской помощи, что большинство детей остается безграмотными, что по дорогам нет проезда и т. д." ("Русская Мысль", 1891, N 9, стр. 17.)

Со всем этим можно только согласиться. Но когда тот же земец говорит, что "земство, придерживаясь принципа равноправности всех сословий, не имеет возможности сделать существенные облегчения для крестьян в платеже земских